

Марина Алиева
Три приоткрытые двери

Исторические зарисовки

Марина Алиева

**Три приоткрытые двери.
Исторические зарисовки**

«Издательские решения»

2015

Алиева М. В.

Три приоткрытые двери. Исторические зарисовки /
М. В. Алиева — «Издательские решения», 2015

По словам Герцена, «История – дверь в прошлое». Три рассказа, представленные в книге, – попытка заглянуть в эту дверь. Частные истории, одна из которых основана на фактах, хорошо известных по оставшимся документам; другая – фантазия о встрече, которой не было, но которая могла бы произойти; третья – личная память о времени, в которое дверь так не хочется закрывать.

© Алиева М. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Сметанка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Три приоткрытые двери Исторические зарисовки Марина Алиева

© Марина Алиева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Сметанка

Арабский жеребец Сметанка. Картина крепостного художника конца XVIII века, предположительно Гавриила Васильева, Музей коневодства, Москва

– Хорош конь! Ох, хорош!

Граф Алексей Григорьевич нежно, как не касался даже женщин, провёл большими пальцами под нижним краем недоуздки и восхищённо причмокнул:

– Бархат! Чистый бархат, а, Никифорыч? Ты только глянь – не шерсть, сметана! Ежели султан на сделку согласится, Сметанным его назову. Лучшим жеребцом на моём заводе станет!

Конюший Кабанов и сам уже с полчаса головой качал, да так же, как граф, причмокивал.

– Не то слово, Ляксея Григорыч! Брильянт, а не конь! А много ль просят?

– Много. Но я дам. За такого дам, не постою...

– Это скока же, ваше сиятельство?

– Коли говорю много, так значит столько, что не каждый себе позволит.

– Видать, взаправду – брильянт.

На пальцах Орлова, словно соперничая, сверкнули драгоценные перстни. Нетерпеливо потряс рукой:

– Овёс подай. Пускай нашей еды понюхает.

Никифорыч степенно подтащил мешок. Овёс отборный, с самого Острова, где он лично кормовое зерно просеивал – на два мешка – и всю дорогу сюда глаз не спускал, только что не спал на них, да и то из боязни, что ночью вспотеет и потом своим мешковину пропитает. А всем известно – в сырой мешковине схран уже не тот...

– Да не галдите вы! – цыкнул на забеспокоившихся конюхов-турок. – Небось не потравим.

Алексей Григорьевич сунул руку в мешок. Подождал, пока лишнее зерно ссыпется и горстью протянул ладонь коню. Ноздри жеребца трепетно дрогнули. Осторожно, с достоинством он потянулся к угощению, но тут же фыркнул и вывернул лебединую шею в сторону.

– Ишь ты, не нравится. Ничего, еще привыкнешь. Потом, глядишь, так же на свой ячмень фыркать будешь.

Кабанов услужливо подставил руки, сложенные ковшом.

– Сделку завершу, подошло к тебе лекарей, будешь овёс ему давать, как скажут, чтоб он животом не маялся, – говорил Орлов, ссыпая овёс и отряхивая руки. – Да смотри, покуда будешь тут, всё дельное примечай. В Острове потом новых конюхов обучишь.

Он в последний раз окинул взглядом коня.

Ох, любовался бы и любовался! Но нельзя. Уж и так еле вырвался взглянуть на это диво и скорей в столицу... Война хоть и кончена, а покоя всё нет. Не турки, так свои жизнь норвят попортить. В Оренбуржье с Пугачёвым никак не сладят, флот самого Орлова, что в Средиземном море стоит, за три года командующего считанные дни видел – всё гоняют его по делам разным, и брат Григорий у государыни уже не в фаворе – Потёмкин Гришка обошёл, мать его – влез-таки упырь со своим греческим проектом... Брат запил, а в запое, да в обиде, не ровён час, непотребное что сотворит, так что полную опалу огребёт, а за ним и до него, до Алексея, волна докатится, а нельзя, никак нельзя, особенно теперь...

– Следи за конем, Иван Никифорович! – уже возле самой кареты, Орлов не удержался, обернулся на конюшего, знал, что Кабанов выйдет проводить. – Уж как увидел его – всё, что есть отдам, но куплю. Хоть за полцарства. Так что следи, как за своим!

Никифорович издали поклонился. Стоял бы рядом, обязательно пробубнил своё обычное «Не изволь бояться, твоя милость», да ещё с обидой, дескать, сам, что ли, не знаю. Но тут дело особое – не грех лишний раз напомнить. Тут на кону действительно полцарства...

* * *

В карете Алексей Григорьевич позволил себе ещё немного насладиться воспоминаниями о дивном жеребце, потом, со вздохом, снова впустил в душу беспокойство, которое угнетало последнее время.

Екатерина требовала его присутствия.

В былые годы подобный призыв заботой бы не отяготил, но сейчас не то. Сейчас он из кожи вон лезет, чтобы угодить императрице, а всё так, да не так. Всё холодком каким-то веет. Вот уже три года, как Катерина простить ему не может мирные переговоры в Фокшанах. Говорит, как последний дурак себя повёл. А он что? Он не дипломат! Увидел, что турки время тянут, так сразу дверью и хлопнул. Хоть он и граф, и генерал, а по сути, всё тот же сержант-преображенец. Какое у него образование? Никакого. Всё, что получил, имеет потому, что сметлив и людей толковых, учёных уважает – многому у них обучился. Но вот придворному шарканью, хоть убейте, учиться не желает! Уж сколько раз Катерина сама его корила за хамство... Только тогда она корила ласково...

«Что-то много жалуются на тебя, Альёша. Грюбишь кому не следует». А сама на брата Григория глазами постреливает, веселится... Тот тогда в царских креслах вольготно сидел, ноги чуть не выше головы задирает. Сам собой любовался, как жеребец неаполитанский. Всё подмигивал – дескать, не бойся, не взаправду ругают. И Алексей Григорьевич тоже не мялся. Шутливо руками разводил: «Не дипломат я, матушка. Знаешь ведь, мне на конюшне привычнее...». – «Так что ж ты, и двор мой за конюшню держишь?», – вскидывала брови Катерина. И ну хохотать с Гришкой на пару...

Под тот хохот он и получил сельцо Остров в восемнадцать верстах от Москвы. Катерина, когда грамоту вручала, тоже улыбалась, акцентом чеканила: «Знаю, давно хочешь. Вот на том Острове свои конюшни и разводи».

Да, она знала. Точнее, помнила. Ещё помнила...

Помнила, как в шестьдесят втором душной июньской ночью скакали они в Петербург из Петергофа, и нужно было успеть..., обязательно успеть, потому что другого случая могло уже не быть! А толстозадые неаполитанские кони выдохлись на полпути и – хоть плачь! – ни туда, ни сюда! Ох, наслушалась тогда будущая государыня императрица русского мата... Хорошо, хоть быстро удалось разжиться подводами у местных селян. Ехали до столицы молчком, друг на друга смотреть боялись – каждый думал, что глупо, по-дурному новое царствование начнется...

Это потом, когда свершилось, и судить их уже было некому; когда пили, праздновали, и каждый причастный вспоминал поминутно, что было, а более всего, чего, верно, и не было,

припомнил и Алексей Григорьевич тот стыд на крестьянской подводе. Знак ли дурной то был, или нет, теперь уже не заботило. Но, даже если и знак, то только ему – давнему страстному лошадику, – что нужна, до зарезу нужна порода лошадей скаковых, выносливых, статью и красотой не хуже аравийских, но способных и тяжелую работу выполнять, и в упряжке красоваться. И запала в душу мечта – вывести такую!

Уже и война с турками шла, и стал он в одночасье и графом, и генералом, и командующим, а мечта покоя не давала. За всеми адмиральскими заботами об Острове не забывал – отборные датские и неаполитанские кобылы терпеливо там дожидались, когда из Сирии и Египта доставят им выписанных графом драгоценных аравийских жеребцов. Драгоценных во всех отношениях – добывать аравийских жеребцов из-за войны становилось всё труднее, но Орлов добывал и денег при этом не жалел. И даже, когда получал коней в дар, а получил он немало¹, отдаривался дорогими мехами. Тридцать жеребцов и девять кобыл, в общей сложности, куплены в Островский конский завод. Восемнадцать Орлов подарил императрице – хотел загладить свой срыв в Фокшанах, остальные составят новый костяк его завода, который за несколько лет стал лучшим в России. И всё вроде бы хорошо: и война выиграна, и славу он стяжал – получил право именоваться Орловым-Чесменским, и новые земли получил в Прибытожье, где сразу заложил два новых завода. Но делом любимым заниматься всё некогда и некогда! Вот хоть и вызов этот...

Преданные люди из окружения графа Панина уже донесли, что объявилась в Тоскане самозванка – принцесса Елизавета Владимирская², о которой давно уже слухи по Европе ходят. Объявилась и нашептала через поляков, будто Пугачёв ей брат, и бунт свой затеял ради её интересов, а он, Орлов, из-за отставки Григория, сильно на государыню Екатерину обижен и якобы готов поддержать притязания принцессы на престол, о чём и дал ей знать через верных людей на своём флоте... Так что теперь одно из двух – либо его вызвали давать объяснения, либо, как намекали многие, даст ему императрица последний шанс на свою милость – отправит в Тоскану с поручением, чтобы разом за всё ответил, и за сорванные переговоры с турками, и за то, что в скандал с самозванкой именем своим замешался.

Ох, тяжело...

Алексей Григорьевич нахмурился. Ладно, отправит, так отправит, ему теперь деваться некуда. Но, как бы дело ни обернулось, главного он не бросит, потому что увиденный только что жеребец будет ему теперь во снах являться и мучать своей красотой, как мучает пылкого любовника недоступность возлюбленной. Уж и так за последний год от одних только мыслей и разговоров, будто породнился с конём. А увидев, прикипел к нему всей душой, потому что, сколь ни представлял в мечтах его красоту, действительность оказалась совсем невероятной...

Граф с флотом у Пелопоннеса стоял, когда прошёл слух, что везут в Стамбульские конюшни невиданной красоты и стати аравийского коня. Ясное дело, кровь в матёром лошадишке тотчас взыграла. Эмиссаров своих заслал в Грецию, где во время войны коня прятали, чтобы глянули, так ли уж хорош, и те доложили, что в жизни своей ничего подобного не видавали. Да и другие, кто хоть мельком на того жеребца смотрел, только охали и руками разводили – восьмое чудо, не иначе. Ну и не стерпел граф, затеял с султаном переговоры о продаже, а теперь вот и сам вырвался, хоть накоротке, но посмотреть. А посмотрев, ахнул и понял – душу чёрту заложит, но купит! Хоть и за те деньги, что султан запросил!

Алексей Григорьевич вспомнил сумму и крикнул. Шестьдесят тысяч! Половина годового дохода России. Цена немислимая. Но, доведись Орлову оценивать такого коня, он бы и больше запросил. Если бы вообще продал. Хотя султану тоже деваться некуда. Он в этой войне – сто-

¹ За гуманное отношение к пленным коней графу дарили даже турки. После Чесмы в плену у Орлова оказалось семейство паши Гасан-бея, которое, в ходе мирных переговоров, было возвращено в целостности, и султан оценил этот жест по достоинству.

² Известная в истории под именем княжны Таракановой.

рона побеждённая... А деньги что? Найдутся. Чай не для себя одного Орлов этого коня покупает. Вот и в Тоскану съездит, и выполнит там всё заради монаршей милости – дай Бог, чтобы послали – не для того, чтоб при дворе удержаться, а чтобы заводы свои поднимать. За войнами-то, да за интригами не до мечты было. Но теперь, когда такой конь в руки плывёт, можно, ой, можно и царедворцем побыть, и дипломатом, и иезуитом, ежели придётся...

* * *

В Тоскану графа отправили.

Успокоился конюх только в октябре, в Польше, когда нагнал их нарочный с приказом от Орлова. Как бы ни был граф занят, а про коня своего не забывал – велел встать на зимние квартиры под Дубно, у князя Радзивилла аж до весны.

«Но девку эту, граф, ты мне привези. Как хочешь. Хоть силой, хоть обманом.., хоть женись на ней...».

Знала матушка, что не предаст Орлов. Не останется с опасной смутьянкой – вернётся домой, к заводам своим, да к чудо-коню. Потому и скупиться не стала. Не за коня плата – за покой...

Вот так и вышло, что в начале семьдесят пятого сделка с султаном была завершена, и в Стамбул прибыли Островской конюх Степан, два толмача и пятнадцать солдат-гвардейцев для охраны. Переправлять драгоценного коня морем, с другими, купленными ранее, Орлов поостерегся. «Хоть год ведите, но посуху, да по землям безопасным – через Румынию и Молдавию. А там, как Бог даст – кружите, как получится, лишь бы доставили коня в целости!»

Кроме охраны и конюха, отправил Алексей Григорьевич в Стамбул ещё и пару толковых лекарей, которых присоветовал ему ветеринарный врач государынинных конских заводов, чтобы по науке приучали коня к новой пище и следили, пуще глаза, за тем, чтоб не простыл, не охромел, и в дороге никакой заразой не отяготился. Под седло ставить строго-настрого запретил, а недоуздок, во избежание потертостей, велел ватой подбить, да шелком обтянуть.

Султан, со своей стороны, тоже проявил заботу – выдал фирман³ и усилил охрану турецким офицером-янычаром, тремя конными чаушами, и впридачу дал тех солдат, что караулили коня в Греции.

Кабанову такая султанская забота совсем не понравилась.

– Мало нам беды от буджацких татар хорониться, так теперь за этими нехристями знай, доглядывай... Ты, Степан, спать ложись прямо в стойле. А у дверей я солдат поставлю – авось до Греции продержимся, а там басурманы эти назад пойдут.

– Они назад, а мы-то как же? – озаботился Степан.

– А мы дальше – в Венгрию. Там австрийский император свою охрану дать обещал...

Идти решили именно так – через Грецию и Македонию, затем через Венгрию и Польшу, делая не больше пятнадцати вёрст в день и с выходными. В такие дни разбивали лагерь, не хуже военного – с часовыми и сменным постом возле походного стойла. Сено для коня на постое солдаты руками перебирали. Ячмень просеивали, а прикорм овсяной лекаря-ветеринары чуть не по зёрнам отвешивали.

Турок, хоть и вежливо, но сторонились. Для своих сторожей Кабанов даже тайные пароли придумывал и сам у костра допоздна засиживался – за порядком следил, да с конюхом Степаном судачил.

– Это ж надо, Иван Никифорыч, какие деньжищи-то за Сметанку нашего взяли! – говорил ему Степан во время таких посиделок. – Я прежде думал, что дорожке восьмерной их сиятельства ничего и быть не может – аж в две тыщи парадный выезд встал. А тута – ого-го – все шестьдесят! Силюсь, силюсь представить, а не могу.

³ Охранная грамота.

– Что ж, я тоже не могу. Но ведь хорош конь.

– Ой, хорош!

– То-то. Ты вон хоть лекаря нашего спроси – стоит Сметанка таких денег али нет?

Молодой ветеринар как раз принёс аккуратно взвешенные и расфасованные по порциям добавки овса на завтра и тоже подсел к костру, над которым Кабанов вертел нанизанные на шомпол картофелины.

– Можете не спрашивать, – сказал он весело. – По моему разумению, коня этого деньгами вообще не оценить. Это великое счастье, что нам видеть его довелось. Он уникален во всём! Взять хотя бы масть. Этакое серебро годами можно выводить и не вывести, только разве, когда конь состарится, да поседеет. А этот таким родился! И корпус... Вы видели когда-нибудь, чтоб у жеребца корпус был так длинен при росте в два аршина с вершками?! Ноги тонкие, сам весь лёгкий, как стрела! А ход каков! Это же совершенство!

– Ход – да, – степенно соглашался Кабанов. – Я его в манеже видал, так скажу – он во всех аллюрах хорош, а уж как рысью пошёл – ну чисто бабочка!

– И сметливый к тому, – поспешил вставить слово Степан. – Вчера перед ночью всё топтался, угомониться не мог, а только я в ногах у него пристроился, мигом затих – забоялся, видать, что поранит...

Степан, действительно, от коня почти не отходил. И ел с ним, и спал, а когда переходы делали, вёл его в поводу, пешком, и словно не замечал, что все остальные верхом ехали. Сам на них смотрел свысока, поскольку, верхом-не верхом, а всё одно, под него подстраивались. И к коню, кроме него да Ивана Никифоруича никто подходить не смел. Даже лекарь этот учёный, который про лошадей всё знает...

– А ещё, Иван Никифоруич, кажется мне, что речь он нашу начал понимать. Утром сегодня, просто так, говорю ему: «Ты, Сметанка, часом не заболел? Что-то кушаешь плохо...». Так он – верите – копытцем передо мной вот так вот! И хвост задрал, только что не машет. Это, я так думаю, показывал, здоров, дескать...

Лекарь тут же лицо серьёзное сделал, закивал.

– Очень хорошо, Степан, что ты его к русскому языку приучаешь. Кони, они ведь, как люди, с характером, с переживаниями, и знакомая речь для них очень важный психологический фактор... Только зря ты его Сметанкой зовёшь. Я слышал будто граф Алексей Григоруич его Сметанным назвал.

– Пускай зовёт, – покосившись на набычившегося Стапана, проворчал Кабанов. – Стёпка своё дело хорошо знает. Чай не Жемчугом зовёт.

– А коню бы подошло...

– Есть уже у его сиятельства Жемчуг.

Иван Никифорович стряхнул картофелины с шомпола в горшок.

– Ешьте вот, пока горячее...

«Отчего ж мне нельзя Сметанкой звать?» – обиженно думал Степан, перекидывая из руки в руку почерневший дымящийся клубень. – «Сам же он только сказал – с характером кони-то. А этот при всей красе добрый и сметливый. Как есть – Сметанка...»

Уже ночью, укладываясь в стойле, едва ли не под копытами подопечного, Степан со вздохом подложил локоть под голову и пробормотал:

– Ну чё? Добрых снов тебе...

И через мгновение почувствовал, как щёку ему обдало тёплым дыханием, а мягкие лошадиные губы ласково прощекотали от скулы до уха.

Степан улыбнулся.

– Ну, говорю же, Сметанка и есть...

* * *

На Дунае, наконец, расстались с турками из охраны. А возле австрийской границы, как и ожидалось, их уже ждали конные жандармы, чтобы сопровождать дальше по стране.

Лето тянулось к концу. До Карпатских гор добрались к осени, и в долине Тиссы холода стали давать о себе знать, отчего Степан впал в сильное беспокойство.

– Как же дальше-то, Иван Никифорович? Горячий конь-то, не для здешних мест, а нам ещё с полгода идтить! Застудим Сметанку-то.

Успокоился конюх только в октябре, в Польше, когда нагнал их нарочный с приказом от Орлова. Как бы ни был граф занят, а про коня своего не забывал – велел встать на зимние квартиры под Дубно, у князя Радзивилла аж до весны.

– Вот это-то хорошо, – говорил обеспокоенный Степан. – Это дело. У князя конюшни знатные, слыхивал про них. И левады⁴, говорят, просторные – будет где Сметанке побегать. Авось, перезимуем...

На комнату свою при конюшне он едва глянул. А потом скрутил тюфяк и отправился в стойло – как прежде, спать у коня в ногах. «Покуда до дому не дойдём, не брошу Сметанку. Он мне теперь товарищ...» Радзивилловым конюхам да и самому князю подопечного своего показывал с гордостью, степенно и бережно, как хозяин, и лопался от гордости, глядя на их изумлённые, восторженные лица.

Даже на посиделки к Никифоровичу почти перестал приходить – всё со Сметанкой говорил. И горести, и радости ему пересказал, всю свою нехитрую жизнь поведал, и кормил с ладони овсом, к которому коня уже приучили. Так что теперь, как и обещал когда-то Алексей Григорьевич, на привычный прежде ячмень Сметанка только фыркал.

Перезимовали хорошо.

По первому теплу дали жеребцу побегать в леваде вволю, и снова в путь.

За прошедший год как одна семья стали – уже не чинились, как поначалу, кто военный, кто гражданский, кто холоп, а кто человек вольный – шли дружно, весело. А как Российскую границу пересекли, так и вовсе покойно стало – дом есть дом, тут только одно печалило, что скоро расставаться. Но это же и радовало – значит, добрались. Кто к родным спешил, кто просто по родине стосковался, а Степан и тут особняком, ему скорей бы Сметанку в Островской завод привести да обустроить.

– Устал, милой, – приговаривал он, обтирая коня после очередного перехода. – Устал. Но ничего, ничего, скоро дома будем, а там я тебе жизнь, как в раю, преподам. Будешь султана вспоминать и плевать, как верблюды ихний...

Как раз к апрелю, по самому теплу и солнцу пришли в Остров. Словно по заказу, в день памяти Георгия Победоносца. По сему случаю, да по приказу его светлости, был в местной церкви молебен. Всех купленных графом лошадей привели и Сметанку тоже. Кропили святой водой, словно российским гражданством одаривали, да басурманский налёт смывали.

Степан Сметанку своего опять в поводу держал. Гордый, довольный. Такой путь проделали, а конь ни разу не чихнул, не заскучал, только, кажется, ещё краше сделался. Возмужал, что ли?

Теперь уже и сам конюх считал, что нет таких денег, которыми этого коня можно оценивать. Когда при нём начинали разговор о шестидесяти тысячах, только пожимал плечами, дескать, что тут говорить, сами разве не видите – на дело али нет деньги пошли?

А посмотреть было на что.

Уж и ленивый, кажется, прибежал на ипподром поглазеть на Сметанку, каков он в аллюрах, каков в рыси. И в упряжке он бегал, и под седлом летал – птица, а не конь! В хорошем галопе не один круг держал, да не просто так, а красиво, словно танцор какой. Даже в леваде и то красовался – бегал не вдоль забора, по центру, а потом встанет бочком, шею лебедем изо-

⁴ В конном заводе вольер для коней.

гнёт – ну, чистая картина! Из усадьбы специально художника привозили, Гавриила Васильева, чтобы портрет Сметанкин сделал, но, по мнению Степана, портрет дурной вышел. Только то и видно, что корпус длинный, да голова щучья, а стать не та, и характер добрый по этой порсуне не угадаешь.

– Дрянь рисовальник, – по укоренившейся традиции сообщил конюх Сметанке. – Вот, погоди, граф-батюшка приедет, он для тебя из столицы итальянца какого выпишет, а то и аглицкого порсунщика. Они, говорят, лучшие изо всех...

И конь кивал согласно и приосанивался, словно тоже, как все, ждал приезда своего хозяина, который, по прошедшим летом слухам, в Россию уже вернулся.

* * *

«Что ж, молодец Алексей Григорьич. Дело ладно справил – хвалю. Только что ты в отставку просишься? Милость свою я тебе вернула, служи... Или обиду затаил?...» «Делом хочу заняться, государыня». «Делом?... Коли делом, отпущу. Но, что-то кажется мне, пьян ты сегодня, Альёша. Что, сильно хороша самозванка оказалась?»

Алексей Григорьевич сплюнул и снова приложился к бутылке. Этот разговор вертелся у него в голове всю дорогу от столицы, да и дома, в Острове покоя стыдом не давал. Хороша Лизавета-то оказалась. И красива, и характером тверда, и глазами бесстрашна. А глаза карие, персидские, туманной влагой подёрнуты. Пару раз так взглянула, что Орлова пот прошиб. Подумал – догадалась красавица иноземная..., распознала, что предаст её жених российский...

«Нет, государыня. До самозванки той дела мне боле нету». «А коли так, подпишу твою отставку. Поезжай в свой заводик, чудо-конь там, поди, заждался совсем...»

Эх, мала..., мала бутылка, чтобы совесть-то залить.

Повертел Алексей Григорьевич её пустую в руках, в окно вышвырнул. От звона разбитого стекла поморщился и за новой потянулся... Не первый день уже в запое. На коня дивного только раз и взглянул. Думал, отойдёт душа, а не вышло...

Наутро собрался на ипподром. Конюху Степану велел Сметанного жеребца подготовить, удивился, когда услышал: «Верхом на Сметанке желаете?»

– Ты чего же его Сметанкой кличешь?

– Не извольте гневаться, ваше сиятельство. А только чистый Сметанка он и есть, потому как добрый да сметливый. Два года при нём состою, по-другому назвать язык не провернулся.

– Ну, зови. Имя хорошее.

Повернулся, к коню подошёл, над недоуздкой морду погладил, заглянул в глаза. А они карие, туманные, как у княжны той, у Лизаветы...

Весь день на ипподроме просидел мрачнее тучи. Сметанку велел последним показывать, только тут и отвлёкся на миг, залюбовался. А как он рысью пошёл, с места подскочил, не высидел.

Да только недолго забвение длилось. Повело вдруг воздух перед глазами, заискрило от солнца, и плеснуло синей волной воспоминание о том, как венчались с Лизаветой посреди моря на корабле его предательском...

* * *

Как-то ночью проснулся Степан от того, что наступил на него кто-то. Вскрикнул, собрался тревогу бить, но по голосу, а более всего, по запаху, понял, что граф перед ним.

– Ты тут что? – пьяно качнулся Алексей Григорьевич. – Зачем в стойле спишь?!

– Так я это... Привык, ваше сиятельство.

– При-ивы-ык... Ишь, барин... Пшёл вон!.. Не по чину... Чтoб больше сюда ни-ни...

Увижу – запорю... пёс...

Выскочил Степан за ворота, от обиды весь горит. Уж скоро год, как граф вернулся, а нет, нет, да и ударится вдруг в запой, как в тот раз, когда приехал. Дворовые люди разное толковали. Одни шептали, что отставка Алексею Григорьичу вышла от царицыной немилости, а другие шептали – нет, напротив, милостива царица к графу, вот только сам он служить ей более не хочет, потому как по милости её бесчестьем себя запятнал.

Что там было правдой, что нет, Степан не больно разбирался. Будучи в запое, граф в конюшни не шёл, а по трезвому делу они возле Сметанки завсегда как равные говорили. Другого такого толкового лошаdnика ещё поискать. Граф сам с конём, как с товарищем, говорил, а через него и с конюхом. Служа при Сметанке забыл Степан, что такое барская грубость...

А в стойле, между тем, припал Алексей Григорьевич к теплому конскому боку, заплакал тихо и пьяно.

– Год сегодня, Сметанка, понимаешь... Мне бы её бриллиантами обсыпать... А она, как крыса какая, утопла в каземате-то... Говорят, ребёночка ждала... А я что?.. Я не хотел, да вот вышло так... погано вышло...

Полночи граф проплакал. А потом, не хуже конюха, уснул на соломе. Утром вышел помятый, похмельный, велел Степана кликнуть да вести Сметанку на верхний пруд мыться. Уходя, зачем-то арапником пригрозил. В глаза не смотрел, но по всему было видно, о вчерашнем не сожалеет.

Горько стало Степану, совсем горько.

По дороге к пруду начал было Сметанке жаловаться, а тот вдруг заржал, затрепетал ноздрями, словно смешно ему от конюховой обиды. И совсем для Степана мир вокруг почернел. Про то, что в нижнем пруду кобыл датских купали, и не вспомнил. Чудилась ему в Сметанкином волнении одна только барская спесь. Впервые в жизни голос на коня повысил, за поводья в сердцах дёрнул.

– Что вьёшься?! Что играешь?! Иди уж из воды, басурман, отмыл тебя пёс до блеска

А Сметанка всё шеей вертит, всё к нижнему пруду тянет, головой трясёт, не слушается.

Не рассчитал Степан с обиды – дёрнул за повод так, что повалил коня. Копыта по скользким камням съехали, без опоры ноги тонкие подломились, и упал Сметанка головой прямо на каменную чашу, что возде пруда для питья была поставлена.

Так и умер от удара. Прямо на месте.

Долго не знали, как графу сказать. Пока он в пьяном забытии лежал, челядь конюшенная зелёная от страха ходила. А наутро в опустевшем стойле нашли повесившегося Степана...

* * *

По официальной версии Сметанка умер, не пережив российской зимы, что, отчасти, могло быть правдой, потому что климат Островского завода арабским скакунам мало подходил. Вскоре перевели их всех в новые заводы под Бобровым, где и началась история новой породы – породы Орловских рысаков.

Сбылась-таки мечта Алексея Григорьевича.

От Сметанки осталось пять жеребят – девочка и четыре мальчика – Фалькерзам, Полкан, Бовка и Любимец. Из мальчиков только Полкан, рождённый датской буланой кобылой, пошёл в отца, и уже его сын – внук Сметанки Барс – стал родоначальником породы...

Умершего Сметанку передали ветеринарам, и при вскрытии обнаружилась причина его диковинной стати. У коня оказался лишний, 19-ый позвонок и соответствующая ему пара рёбер – отсюда и небывало длинный корпус – вытянутый, как стрела...

По английской традиции велел граф Орлов сохранить скелет Сметанки, но...

ПОСТСКРИПТУМ

Весьма печальный.

После смерти графа Орлова все его заводы перешли к дочери Анне, слишком набожной, чтобы интересоваться коневодством. Проданные в казну, они, возможно, захирели бы, не возьми их под опеку один из великих князей Романовых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.